

На правах рукописи

БЕЛЯЕВ Дмитрий Анатольевич

Культурно-философская экспликация идеи сверхчеловека

24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Белгород – 2017

Работа выполнена на кафедре философии и истории науки
ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Научный консультант: **Майданский Андрей Дмитриевич**
доктор философских наук, доцент, профессор
кафедры философии и истории науки ФГАОУ ВО
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Официальные оппоненты: **Мареева Елена Валентиновна**
доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры социально-философских наук ФГБОУ
ВО «Московский государственный институт
культуры»

Торубарова Татьяна Викторовна
доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры философии ФГБОУ ВО «Курский госу-
дарственный университет»

Щавелёв Сергей Павлович
доктор философских наук, доктор исторических
наук, профессор, зав. кафедрой философии
ФГБОУ ВО «Курский государственный медицин-
ский университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина»,
кафедра культурологии

Защита состоится 17 ноября 2017 г. в 12.00 на заседании диссертационно-
го совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 на
базе ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследова-
тельский университет» (308600 г. Белгород, ул. Преображенская, 78).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ» по ад-
ресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г. и размещён на сайте
НИУ «БелГУ» (<http://www.bsu.edu.ru>) и на сайте ВАК Министерства образова-
ния и науки РФ (<http://vak.ed.gov.ru>).

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

Е.А. Кожемякин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Еще в конце XIX – начале XX века многие мыслители отмечали, что тяга к сверхчеловеческому естественна и даже императивна для человека. Идея сверхчеловека, как трансгрессивный антропологический концепт-образ, имманентна человеческому существованию, она по-разному конкретизируется в культурном нарративе в зависимости от его аксиологического строя и превалирующей формы общественного сознания. В ней выражается рефлексия человека о собственной природе, позволяющая выйти за границы его наличного бытия, создавая утопические и дистопические антропологические концепты.

Ф. Ницше понятийно оформляет идею сверхчеловека и заостренно полемически «вбрасывает» ее в широкий социогуманитарный дискурс. Она быстро становится частью философско-антропологических и социальных дискуссий о человеке, путях и возможностях его трансформации. Так, по мысли М. Шелера и Н. Гартмана, исходя из идеи сверхчеловека, может строиться перспективная антропологическая теория, постулирующая приоритет «телеологии человека», а также его высшей ответственности и суверенности. Параллельно идея сверхчеловека легитимизируется и как часть когнитивных стратегий естествознания, направленных на поиск способов «усовершенствования» физической конституции человека.

Размышления о сверхчеловеке в значительной степени оказываются ангажированы «ницшеанством», отчасти дискредитированы его профанными интерпретациями, усугубляющимися современной «ситуацией постмодерна». В итоге, сегодня сверхчеловек обладает противоречивой «репутацией» и сомнительным теоретическим статусом.

Тем не менее, благодаря глубинной *культурной укорененности* идеи сверхчеловека, такое положение вещей возможно преодолеть – для чего требуется сформировать совмещенный фокус культурно-исторической и философско-культурологической рефлексии. Это позволит перейти от смутного метафоризма «сверхчеловеческого» к его историчности и конкретной феноменоло-

гии. Помимо собственно научно-философской необходимости, прояснение определенности сверхчеловека, как теоретического концепта, является предельно актуальным способом узнавания самого человека и мира культуры, их трансформационных возможностей в устремленности к идеалу.

Степень научной разработанности проблемы. Можно выделить два основных исследовательских дискурса идеи сверхчеловека: *имплицитный* – когда отсутствует явное формальное определение идеи сверхчеловека, но имеет место рассмотрение тем, связанных с антропологической предельностью, трансгрессией, иномерностью, совершенствованием человеческой природы и перспектив форм человеческого существования; и *эксплицитный*, в рамках которого происходит собственно понятийное оформление лексемы «сверхчеловек» с ее последующей артикуляцией.

Сразу следует подчеркнуть, что приведенные ниже работы не исчерпывают всего массива современной аналитики идеи сверхчеловека с учетом ее различных модальностей и форм социокультурной и теоретико-рефлексивной репрезентации, но являются системообразующими в понимании объема и специфики разработанности темы нашего исследования.

Итак, эксплицитное философское рассуждение о сверхчеловеке инициирует Ф. Ницше. Его творчество провоцирует появление массива частично рецептивных, но при этом достаточно оригинальных дискуссионно-критических философских размышлений о феномене сверхчеловека (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, В. Иванов, А. Белый, Н.А. Бердяев, П.Д. Успенский, К. Левит, М. Хайдеггер, К. Ясперс, М. Фуко, Ж. Деррида, Ф. Гваттари, Ж. Делез, А.Г. Дугин).

У целого ряда видных исследователей имеет место обращение к идее сверхчеловека, так сказать, «по касательной» (А.В. Луначарский, Л.Д. Троцкий, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Т. Адорно, М. Шелер, С. Лем, А.Ф. Лосев, М.К. Мамардашвили).

Особую популярность рассмотрение идеи сверхчеловека приобретает в рамках научно-исследовательского исторического и компаративистского ниц-

шеведения (С.П. Знаменский, Д. Эйкен, В. Кауфманн, Д. Конлон, Э.С. Фрисби, Ф. Юнгер, А. Данто, Н. Авксентьев, А. Ефименко, В. Шулятиков, С. Левитский, В.К. Кантор, Н.К. Бонецкая, С.Л. Омаров, С.В. Одуев, Ю.Н. Давыдов, С.Л. Зоргнер, М. Мор, Г. Мислин, Г. Фойгт, Я. Лаврин, Р.Дж. Холлингдейл, Б.М. Юзефович, Д. Чеикс-Роу, Ю.В. Синеокая, А.Е. Радеев, Б.В. Марков, А.Я. Кожурин, И.И. Евлампиев, И.И. Гарин, А. Игнатов, А.Р. Салахиев, Т.А. Шарыпина, Е.В. Щербакова и др.).

Также концепт «сверхчеловек» становился объектом локальных философско-антропологического (А.П. Цветков, Н.В. Омельченко), историко-культурфилософского (А.Е. Величенко, Е.М. Синьковская), компаративно-лингвистического (Л.Ф. Абсалямова) и литературоведческого (Л. Берг, Е.В. Борода, Н.А. Дворяшина) аналитических исследований. Наконец, отдельного упоминания заслуживают масштабные академические исследования идеи сверхчеловека в контексте генезиса европейской культуры у В.И. Самохваловой, Ю.В. Шичаниной и Н.В. Загурской, являющиеся фактически единственными работами подобного плана.

В рамках *имплицитного* обращения к идее сверхчеловека можно выделить целый ряд локальных тематических дискурсов, в рамках которых осуществляются размышления об антропологической предельности, идеальности и трансгрессии, а также формах и путях трансформации человеческой природы. Сюда можно отнести дискурс христологии и христианской антропологии (Тертуллиан, Арий, Псевдо-Дионисий Ариопagit, Ириней Лионский, Августин Блаженный, П. Тейар де Шарден, К.С. Льюис, А. Кураев и др.), расово-евгенический дискурс (Ж.-А. Гобино, Х.С. Чемберлен, Ф. Гальтон, Л. Стоддard, А. Розенберг), дискурсивное пространство эзотерического и трансперсонального знания (С. Гроф, В.В. Налимов, Р. Штейнер, Г.И. Гурджиев, Е.П. Блаватская, Шри Ауробиндо, К. Кастанеда и др.), сциентистски-футурологический дискурс, объединяющий идеи космизма, трансгуманизма и виртуалистики (К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, Ф.М. Эсфендиари, Г. Мислин, И.В. Вишев, Д.И. Дубровский, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас,

Н.А. Носов, А.Я. Каплан, М.А. Пронин, Д. Бурде, П. Гойффет, В.И. Аршинов, О.В. Летов и др.), современный научно-исследовательский дискурс философской антропологии и культурфилософии (П.С. Гуревич, С.С. Хоружий, П.П. Гайденок, Н.В. Хамитов, Г.К. Сайкина, С.Н. Борисов, Ю.М. Резник и др.).

Из всего вышесказанного явствует, что сверхчеловеческое, в различных его модальностях, предельно востребовано как предмет философской аналитики, а также религиозной, эзотерически-трансперсональной и художественной рефлексии; с другой стороны, история специального фундаментального, культурно-контекстуального исследования идеи сверхчеловека скудна и ограничена в части содержательных выводов. Фокус исследовательского интереса зачастую фиксируется на частных проявлениях и характеристиках сверхчеловеческого, оставляя за скобками задачу его целостного постижения, которая не только не решается, но даже не формулируется.

Очевидна необходимость в специальной, целостной философско-культурологической аналитике идеи сверхчеловека и выработке антропологически- и культурно-исторически соразмерного понимания сверхчеловеческого.

Объект диссертационного исследования: *идея сверхчеловека как феномен культуры.*

Предмет исследования: *конкретно-исторические концепты и философско-теоретические образы культурной экспликации идеи сверхчеловека.*

Цель диссертационной работы: *исследование модальностей идеи сверхчеловека в пространстве феноменальной культурной практики и философской рефлексии и выявление антропологических моделей и кодов культуры, обусловленных этой идеей.*

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач исследования:**

- определить содержание и значение ницшевского концепта «Übermensch», рассмотрев семантические модальности его экспликации;
- выяснить специфику религиозной интерпретации сверхчеловека в русской философско-религиозной мысли конца XIX – начала XX века;

- реконструировать генеалогию идеи сверхчеловека в архаическом мифе и тропы ее последующей мифотеологической экспликации;
- раскрыть особенности социально-исторического освоения идеи сверхчеловека в конкретных культурных практиках;
- установить характер экспликации идеи сверхчеловека в современном пространстве массовой культуры;
- проанализировать трансформацию идеи сверхчеловека в актуальных культурных практиках постмодерна и трансгуманизма;
- выявить антропологические основания интегрального определения сверхчеловека;
- предложить и обосновать философско-культурологическое определение сверхчеловека.

Методологический инструментарий исследования обусловлен, во-первых, междисциплинарной тематикой диссертационной работы, находящейся на стыке философии культуры, философской антропологии и культурологии, во-вторых, сложным социокультурным характером объекта и предмета диссертационного рассмотрения.

Основным методом исследования является сравнительно-исторический анализ, позволяющий реконструировать целостные образы культурной экспликации идеи сверхчеловека. Для прослеживания исторического генезиса этой идеи используется компаративный и структурно-функциональный анализ. Метод типологизации и отдельные структуралистские принципы применяются в исследовании локальных вариантов идеи сверхчеловека.

Для анализа отдельных текстов культуры применялись методы феноменологической и герменевтической реконструкции. Наконец, человекоразмерность предмета исследования обусловила использование культурно-антропологического метода.

Источники диссертационного исследования. Необходимо отметить, что все перечисленные выше авторы, так или иначе продумывающие идею сверхчеловека, в той или иной степени формируют проблемное поле и теорети-

ческий каркас нашего исследования. Помимо этого, в источниковую базу работы входят отдельные труды Платона и Аристотеля, пласты античной мифологии и древнерусского былинно-героического эпоса, тексты Библии, политические трактаты Н. Макиавелли, философско-антропологические произведения Б. Паскаля, И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, а также творчество отечественных и зарубежных писателей и поэтов (Гомер, Гесиод, Пиндар, Софокл, Эсхил, Б. Шоу, Д. Лондон, Ф.Т. Маринетти, А. де Сент-Экзюпери, Ф. Герберт, В. Винж, А. Азимов, А. Кларк, О. Стэплдон, Т. Старджон, Р. Хайнлайн, Ф. Дик, У. Гибсон, Д. Симмонс, Д. Барнс, Л. Повель, Ф. Бегбедер, Г. Гессе, М.Ю. Лермонтов, Н.Г. Чернышевский, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Д.С. Мережковский, Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, Н.А. Островский, В.В. Маяковский, М. Горький, Б.Н. Полевой и др.). Важным источником исследования стала художественная практика в области живописи, скульптуры, музыки, современного масс-медиа искусства, комиксов, кинематографа и, наконец, феномены виртуальной реальности.

Новизна представленного научного направления в решении крупной философско-теоретической проблемы экспликации идеи сверхчеловека состоит в интегральном культурфилософском понимании идеи сверхчеловека как перспективной антропологической модели запредельных трансформационных культурных практик и ценностей.

Научная новизна исследования конкретизируется в следующих моментах:

1. Проведено комплексное философско-герменевтическое исследование форм присутствия, специфики определения и понятийной концептуализации (в концепте «*Übermensch*») идеи сверхчеловека в философии Ф. Ницше, а также рассмотрены и систематизированы все значимые модальности теоретических «постницшеанских» рефлексий о сверхчеловеке.

2. Выделены особенности философско-теоретической экспликации идеи сверхчеловека отечественной философско-религиозной традицией конца XIX –

начала XX века как семантически бинарного феномена исключительно религиозного сознания, восходящего к ницшевскому *Übermensch*.

3. Реконструирована культурная генеалогия идеи сверхчеловека в архаическом мифе о первопредке, а также прослежены ее последующее развитие и линии трансформации в героико-эпическом и теологическом культурных нарративах.

4. Определена культурная ситуация социально-исторического перекодирования идеи сверхчеловека; проанализированы социокультурные основания и варианты концептуализации расистской и социально-революционной модальностей идеи сверхчеловека.

5. Раскрыты особенности массовизации идеи сверхчеловека, выделены характерные черты ценностной и символической репрезентации сверхчеловеческого в нарративах массовой культуры; осмыслена художественная футурология человека в научно-фантастической литературе.

6. Рассмотрена философско-теоретическая грамматика определения и воплощения идеи сверхчеловека в ситуации постмодерна, дана характеристика трансгуманистической экспликации сверхчеловека с выделением проективно-перспективных постчеловеческих моделей.

7. Проведен семантический анализ понятия «сверхчеловек» в различных языковых культурах и выделены маркеры «антропологического пограничья» в теоретическом различении сверхчеловека.

8. Дано интегральное философское определение сверхчеловека, рассмотрены возможные тропы различения сверхчеловеческого, выделены начальные границы пространства сверхчеловеческой мерности, его специфики и корреляции с человеческим в истории культуры.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Ф. Ницше не дает четких и однозначных дефиниций *Übermensch*. Его определения носят философско-поэтический характер, оставаясь наполненными образами и метафорами. Ницшевский *Übermensch* является горизонтом антропологической эволюции и определяется как ценностный субъект в

ситуации принятия истины о вечном возвращении, что позволяет проводить нигилистическую «переоценку ценностей». Центральным атрибутом *Übermensch* объявляется воля к власти, понимаемая как процесс самоутверждения субъектной мощи («Macht»), вбирающей в себя все жизнеутверждающие интенции. Принципиальная семантическая открытость концепта «*Übermensch*» позволяет ему выступать универсальным сверхчеловеческим концептом: сверхчеловек оказывается в фокусе гуманистических рефлексий, где его восприняли как угрозу всему человеческому, оправдание аморализма, предельного эгоизма и общего «озверения»; с другой стороны, в нём увидели гуманистический прорыв, открывающий новые горизонты совершенствования человечества.

2. В отечественной религиозной философии складывается особая интерпретация идеи сверхчеловека, где выделяются два ценностных полюса ее понимания, выраженные в концептах «антихрист» и «богочеловек». «Антихрист» – это совершенный человек-эгоцентрик, отвергнувший божественную благодать, утверждающий культ личной силы, посягающий на власть над ближними и «ложных» ценностей (Н.Ф. Федоров). «Богочеловек» – это истинно *софийный человек* (В.С. Соловьев), достигший *соборного бессмертия* и ставший бытийно творческим субъектом (Н.А. Бердяев), посредством духовного сопричастия божественному Абсолюту. *Положительный* сверхчеловек мыслился как антропологический телос обожения, предел асимптотического сближения человека с Богом, в результате которого происходит преобразование человеческой природы и преодоление кризиса культуры.

3. Генеалогия идеи сверхчеловека восходит к архаическому образу человеческого первопредка, выступающего в качестве изначального архетипа сверхчеловеческого, его культурного генома. Мифологический образ первопредка обживается в эпически-героической и теолого-эзотерической формах сознания. В первом случае оформляется концепт «эпический герой», который, наследуя от первопредка ряд высших человеческих качеств физического и волевого порядка, становится нормативным поведенческим

ориентиром. В религиозно-мистическом сознании формируется целый ряд культурных сверхчеловеческих концептов: «богочеловек», «будда», «эзотерик», «пророк», «святой», фиксирующих разную степень сближения с божественным Абсолютом. В них отражается представление об иномерном *новом/лучшем* человеке, которому присущи ментальная, ценностная и/или физическая трансгрессивность; преодолеваются фундаментальные пределы-ограничители человеческого – телесность и смертность.

4. В Новое время начинается социально-историческое перекодирование идеи сверхчеловека. В рамках расистской культурной дискурсивности с опорой на квазинаучные расово-биологические, идеологические и этнокультурные теории, а также на иррациональную «подкладку» из мифологии и эзотерики, формируется концепт «расовый сверхчеловек». Идея сверхчеловека биологизируется и эксплицируется как «лучший человек» в системе европоцентристской расовой таксономии: культурный герой-ариец, «спаситель» и «созидатель» европейской культуры. Одновременно идея сверхчеловека получает социально-революционную модальность в концепте «новые люди», подчеркивающему социальную инаковость, ценностную и поведенческую ненормативность, а также пассионарную тягу к социокультурному обновленчеству. Авангардное движение футуризма максимально заострило устремленность к антропологическому реформатированию, ожиданию рождения «будетлян» – новых «богов из мяса» (В. Маяковский) или «техноумноженных людей» (Ф.Т. Маринетти). Эти интенции исторически конкретизируются в концепте «советский человек» как революционном субъекте, способном к деятельной трансформации матрицы культуры и ее ценностных оснований.

5. Массовая культура осваивает идею сверхчеловека, эксплицирует ее через концепт «супергерой», который воспроизводит черты эпического героя и отражает значимые социальные, религиозные, идеологические и аксиологические ожидания западного общества, становится антропологической универсалией новой «мифологии настоящего». Супергерой – это «одномерный сверхчеловек», преодолевший границы человеческого исключительно на

уровне телесности и остающийся хранителем традиционных ценностей. Любое инициирование их радикального пересмотра, субъектно персонифицированное в образе суперзлодея, определяется как негативное проявление сверхчеловеческого и репрессируется. В художественном дискурсе научной фантастики, как части пространства массовой культуры, формируется несколько стратегий моделирования футурологии человека – прежде всего, технологическая, предусматривающая трансформацию материально-телесной конституции человека, и ментальная, делающая акцент на радикальном изменении сознания и форм мышления.

6. В постмодернистском философском дискурсе сверхчеловек деантропологизируется и деконоструируется, выступая как *сверх-складка* и *радикальное отличие*. Культурная практика постмодерна для экспликации идеи сверхчеловека использует масскультный концепт «супергерой», но превращает его в симулякр, иронически-игровую фикцию, тиражируемый образ, лишенный уникальности и аксиологической укорененности. Одновременно в рамках трансгуманистического дискурса оформляется техноориентированная модальность идеи сверхчеловека – «постчеловек». С ожиданиями радикального технологического переформатирования природы человека связаны три основных концепт-модели постчеловека: *генетически модифицированный человек*, *нанокиборгизированный человек* и *виртуально-цифровой человек* (Homo Virtualis).

7. Возможно выделение *интегральной модели «конца человека»*, не претендующей на «завершённость человеческого», но отражающей устойчивые маркеры его понимания, которыми являются *локальные константы человеческой определенности*, выраженные в присутствии телесного и идеального модусов человеческого бытия. К ним можно отнести феноменологическую концептосферу «тело» (включает в себя физиологический и морфологический уровни проявленности) и идеальную номадическую концептосферу «душа» (состоит из частей-способностей: ментальной, символической, творческой и социальной). Также выделяются границы

начальной (определение порождающего начала и систему его отношения (тождества/различия) к порожденному) и *конечной* (предел *смертности* и ее рефлексивное удостоверение) предельности человека.

8. Антропологическое различие состояния «сверх» связано с положительным преодолением человеческой нормальности, трансгрессией превосходного порядка. Ему присущ нормативно-оценочный характер в пределах того или иного социокультурного хронотопа. Состояние «сверх» понимается как снятие антропологических ограничителей. Сверхчеловека в самом общем виде можно определить как человека, преодолевшего условный предел человеческих возможностей, что позволяет ему оказаться в новом бытийном и ценностно-символическом пространстве. Сверхчеловек является перспективной матрицей нового человека, медиатором смыслов и ценностей в культуре, совокупностью идеалов, воплощенных в конкретном человеческом индивиде.

Научно-теоретическое и практическое значение исследования определяется актуальностью культурно-философской экспликации идеи сверхчеловека, реконструирующей и анализирующей ее антропологические и социокультурные основания. В данной идее находят отражение как актуальная аксиологическая матрица культуры, так и перспективные ценности и смыслы, задающие вектор будущего общекультурного развития человека и человечества. Специальное философско-компаративное исследование измерения «сверх» в его культурно-антропологическом модусе способствует открытию нового междисциплинарного дискурса в антропологии.

Материалы исследования могут быть использованы при разработке содержания учебных курсов философского цикла, культурологии, истории культуры, религиоведении, психологии, политологии, а также спецкурсов социально-гуманитарной и естественнонаучной направленности.

Личный вклад автора заключается в оригинальном обосновании теории и истории культурно-философской экспликации идеи сверхчеловека; определении, систематизации и аналитике философско-теоретических

дискурсов о сверхчеловеке; выявлении антропокультурных акцентуаций идеи сверхчеловека и структуры локальных констант человеческой идентичности. В научный оборот введено новое определение сверхчеловека и обоснована правомочность его теоретической концептуализации; исследована культурно-историческая феноменология идеи сверхчеловека. Личным вкладом автора является актуализация темы, формирование источниковой базы, разработка методологического инструментария и подготовка публикаций, отражающих ход и результаты исследования.

Апробация работы. Материалы и результаты диссертационного исследования получили апробацию в форме докладов и сообщений на научно-практических конференциях различного уровня: Международная конференция молодых ученых «Медиасофия VI» (Санкт-Петербург, 2010); V Международная научная конференция «Гуманитарные науки и современность» (Москва, 2012); Международная научно-образовательная конференция «Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии» (Казань, 2012); I Всероссийская конференция «Глобальное будущее: 2045: антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты» (Белгород, 2013); Всероссийская межвузовская научная конференция «Иностранные языки. Герценовские чтения» (Санкт-Петербург, 2013); Международная научно-образовательная конференция «Гуманизм и современность» (Казань, 2013); VIII Всероссийская междисциплинарная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации» (Москва, 2014); II Всероссийская научная конференция «Историческое сознание и социальная память в условиях конфликта цивилизаций» (Саратов, 2015); VI Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации» (Липецк, 2016).

Также отдельные результаты исследования были представлены и обсуждены в ходе работы нескольких научных школ: Всероссийская научная школа «Русская философия: истоки и современность» (Белгород, 2009); X Межрегио-

нальный форум «Русская духовная культура: от истоков до современности». Свято-кирилло-мефодиевская научная школа «Духовные истоки русской философии» (Саратов, 2010); XI Межрегиональный форум «Русская духовная культура: от истоков до современности». Свято-кирилло-мефодиевская научная школа «Духовные истоки русской философии» (Саратов, 2011); Научно-исследовательский и образовательный форум «Человеческое существование в условиях социальной модернизации» (Волгоград, 2012); Международная научная школа для молодежи «Концепции постчеловека в философии и технонауке» (Белгород, 2016); Школа молодых ученых «Биотехнологическое улучшение человека как проблема социально-гуманитарного знания» (Москва, 2017).

Положения и выводы диссертационной работы в разное время использовались в преподавании дисциплин философского цикла, культурологии, истории культуры, религиоведения, психологии, политологии, а также спецкурсов социально-гуманитарной направленности в ФГБОУ ВО «ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского», ФГБОУ ВПО «ЕГУ им. И.А. Бунина», НОУ ВПО «ИМПЭ им. А.С. Грибоедова (Липецкий филиал)» и НОУ ВПО «ЛФ МИКТ».

По теме диссертации опубликовано 83 научные работы, в том числе 1 авторская монография, 1 коллективная монография, 28 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Диссертационная работа обсуждена на заседании кафедры философии, социологии и теологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского», на заседании кафедры философии и истории науки ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры» и рекомендована к защите.

Структура диссертационной работы определена общей концепцией исследования, а также логикой решения поставленной цели и задач. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, характеризуется степень ее научной разработанности, фиксируется основная источник-

вая база исследования, определяются объект, предмет, цель и задачи работы, ее теоретико-методологические основания, формулируются научная новизна диссертационного исследования, положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость, отражаются личный вклад автора и апробация результатов работы.

Первая глава «Дискурсы философско-теоретической экспликации идеи сверхчеловека» посвящена целостной реконструкции и философскому анализу теоретических дискурсов, явно говорящих об идее сверхчеловека. Здесь специальное внимание уделяется аналитике ницшевского *Übermensch* как первого философского понятия сверхчеловека. Также рассматривается широкий спектр рецептивно ницшеанских гуманистических рефлексий о сверхчеловеке и религиозный фокус интерпретации идеи сверхчеловека в дискурсе русской религиозной философии конца XIX – начала XX века.

В первом параграфе **«Философско-поэтическое определение *Übermensch* Ф. Ницше и его гуманистические рецепции»** осуществляется философская реконструкция семантики, генеалогии, сущностных оснований и особенностей классического ницшеанского определения сверхчеловека, также аналитика его интерпретаций в широком гуманистическом дискурсе.

В философии Ф. Ницше идея сверхчеловека, понятийно оформившись в концепте «*Übermensch*», впервые становится объектом непосредственной философской рефлексии. Лингвосемантика термина «*Übermensch*» явно указывает на *преодоление* пределов человеческой определенности и подспудно фиксирует качественное превосходство, прогрессивность антропологической трансформации. Соответственно, «*Übermensch*» – это превосходно трансгрессивный уже *не вполне* человек. Одновременно «*Übermensch*» в философии Ницше – это не только исключительно антропологический концепт, но не в меньшей степени культурфилософское понятие, семантически вплетенное в широкий контекст его философско-культурологической теории и являющееся интегралом антропологического и общекультурного.

С учетом генезиса философии Ницше, уровней становления и форм экспликации в ней идеи сверхчеловека можно выделить некоторые обобщенные характеристики *Übermensch*, заключенные в концептосферах: *дионисизм*, *нигилизм*, *воля к власти*.

Истоком рождения *Übermensch* становится *дионисизм*, наполняющий его культуросозидательными интенциями, витализмом, творчески иррациональной энергетикой с приматом чувственности и перманентной тягой к становлению/обновлению жизни, парадоксально возникающей в ситуации открытия и принятия глубокого, метафизического пессимизма.

Концептосфера «нигилизм», эксплицируемая немецким мыслителем через оппозицию «нигилизма силы» и «нигилизма слабости», конкретизирует понимание *Übermensch*, наполняя его аксиологическим содержанием. Современное возобладание «нигилизма слабости», как индивидуально-личностной и общекультурной установки на принятие «чужих» ценностей, актуализирует, по мысли Ницше, необходимость «антропологической революции», скачка к сверхчеловеку – *Übermensch*, в котором главенствует «нигилизм силы». Последний выступает как антропологической, так и культурной абсорбирующей антитезой «нигилизму слабости», становясь способом преодоления всякой внешней императивной нормативности и создавая пространство для субъектной свободы ценностного созидания. Символом этого освобождения становится «смерть Бога», что высвобождает место для сверхчеловека как ничем не ограниченного аксиологического субъекта. Здесь же проводится рассмотрение проблемы антропологического позиционирования Ницше *Übermensch* в системе «человек-не человек», позволяющее заключить, что сверхчеловек – это энтелехия человеческого, идеальная форма и положительный предел человека.

Компаративная, гипертекстуально-структуралистская аналитика «воли к власти» в контексте целостной семиосферы философии Ницше позволяет определить ее как динамическое стремление к внутрисубъектной силе/мощи («Macht»), пронизанное витальной энергетикой и ценностным самоконституированием.

В итоге, ницшевский *Übermensch* может быть определен как человек *виртуальной духовности*, произведший радикальную переоценку ценностей, отказавшийся от всех трансцендентно-метафизических оснований жизни, внешних регуляторов-абсолютов и ставший благодаря наличию перманентно-динамически становящейся воли к власти законодателем новых ценностей. Одновременно *Übermensch* всегда обладает «единственной в своем роде определенностью» (М. Хайдеггер), невыразимой в модальности универсальных и законченных антропологических моделей. Сверхчеловек, по Ницше, – это принципиально открытый культурно-антропологический концепт превосходно-трансгрессивного человека, своеобразная непредзаданная и динамическая энтелехия человеческого.

Философия сверхчеловека Ницше стала вызовом для традиционного гуманизма, т.к. она проблематизировала человека и одновременно создала новый фокус его оценивания. Примечательно, что наиболее развернутый и идейно полифонический дискурс сверхчеловека в контексте гуманистической культуры возникает в пространстве художественно-литературных практик. Это указывает на превалирующее понимание сверхчеловека, скорее, как образа и метафоры, а не научно-теоретического концепта.

В итоге, с одной стороны, *Übermensch* был истолкован как «конец человека», преодоление/уничтожение всего человеческого (прежде всего, нравственного, социально нормативного) в его ценностной самодостаточности. В этом смысле *Übermensch* провозглашает не только «смерть Бога», но и утверждает эволюционную прогрессивность и необходимость «смерти человека». С другой стороны, ницшевский сверхчеловек был понят как горизонт человеческих устремлений и преобразования самого человека.

Во *втором параграфе «Религиозная интерпретация сверхчеловека в русской философии конца XIX – начала XX века»* исследуется философско-религиозная модальность идеи сверхчеловека, выделяются и анализируются первые конкретные маркеры его определенности, а также выявляются и обос-

новываются философско-религиозные основания бинарного ценностного понимания сверхчеловеческого.

Творчество Ф. Ницше и его концепт «Übermensch» стали интеллектуальным раздражителем, спровоцировавшим создание дискурса явного философско-религиозного понимания идеи сверхчеловека, наиболее целостно оформившегося в отечественной философии конца XIX – начала XX в. в трудах Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, Вяч. Иванова, А. Белого и Н.А. Бердяева. Для предложенных ими интерпретаций сверхчеловека характерно его определение как феномена религиозного порядка, конкретизирующегося в амбивалентных локальных концептах – «антихрист» и «богочеловек».

Размышления Федорова, Соловьева и Бердяева относительно идеи сверхчеловека распадаются на две аналитические линии – критики «негативного» сверхчеловека (на примере ницшеанского *Übermensch*), как биологически-витального эгоцентрика, лишённого духовных пластов совершенствования, интенции к Божественному и маркировании качеств «позитивного» сверхчеловека – Богочеловека. Среди последних особенно выделяется *бессмертие*, понимаемое как безусловно положительная, качественно превосходная, нерелевантная повседневным жизненным практикам антропологическая характеристика, подтверждающая «божественное присутствие» (Соловьев). Воля к бессмертию объединяет человечество и направляет его по пути, указанному Иисусом Христом – первым подлинным сверхчеловеком. При этом исключительно всечеловеческое, соборное достижение бессмертия преобразует человека, делая его Богочеловеком. «Соборное бессмертие», реализуясь в модусе материальной бытийности человека, идентифицируется больше как характеристика духовного порядка, свидетельствующая о «софийном преображении» человека. Прочая возможная физическая атрибуция сверх(бого)человеческого признается несущественной.

На аксиологическом уровне Богочеловек объявляется «онтологическим творцом», событийным субъектом метафизического, космического порядка. Теургия, как высшая ступень творчества, становится прорывом в область онто-

логии созидания, высшего, практически не имеющего ограничений личностного творчества, когда человек оказывается сотворцом универсума. Соответственно, свободное творчество, направленное на онтологическое сближением с божественным Абсолютом, определяется как «положительная» сверхчеловеческая характеристика.

Вяч. Иванов и А. Белый формируют несколько иную религиозно-символическую модальность интерпретации сверхчеловека, совмещающую христианские и неоязыческие мотивы. Так, Иванов понимает сверхчеловека как обновленчески религиозное начало, олицетворяющее пробуждение «духовного витализма», сочетающего божественное и дионисическое. Сверхчеловек оказывается способен перенести центр своей тяжести вовне себя и тем самым вырваться из границ индивидуального ограничения, став «звездочетом вечности». При этом сверхчеловек является частью проекта «культурного преображения», соответственно, воспринимается как деятельный, субъектно ориентированный механизм культурной трансформации, позволяющий преодолеть наличествующее «духовное истощение». Одновременно для Белого сверхчеловек – это полумистический, сингулярный образ новой разновидности человеческого рода, знак преодоления налично-повседневного формата человеческой бытийности, символически репрезентируемый в антропологической мерности.

В целом, «подлинный» сверхчеловек мыслился в религиозном дискурсе как определенный положительный предел совершенствования человека и одновременно его выход за границы собственной актуальной природы, сопряженный с образованием единого бытийного континуума человеческого и божественного.

Вторая глава «Культурно-историческая феноменология идеи сверхчеловека» посвящена реконструкции, экспликации и аналитике локальных конкретно исторических концептов сверхчеловека, сформированных в контексте поливариативных культурных практик.

В первом параграфе ***«Культурная археология идеи сверхчеловека: мифотеологическая экспликация»*** реконструируется и исследуется феноменоло-

гия общественно значимых сверхчеловеческих интенций в мифологических и религиозных культурных практиках.

В рамках древнейших мифологических систем и религиозных культов возникают ретроспективные (около) человеческие образы, ассоциированные с человеком наличным, но выходящие за его мерную определенность. В них берет свое основание генеалогия идеи сверхчеловека и возникают первые примеры ее культурно-феноменологической проявленности.

Человеческий первопредок, являющийся существенной частью нарратива архаического мифа, выражает совокупность древнейших представлений о происхождении *культурного человека*, границах антропологической размерности и вариантах человеческой трансгрессивности. Он асимптотически связан с человеком, обладает превосходными, часто несоразмерными, принципиально иномерными природе человека духовно-физическими характеристиками и деятельно проявляет себя через амбивалентные культурные практики. Первопредок изначально двойственен по своей природе, несоразмерен миру людей и уже от того потенциально опасен для него. Одновременно он защитник, помощник, культурный прогрессор и, наконец, некоторый возвышенно недостижимый идеал для человека. Концепт первопредка фундирует идею сверхчеловека и предзадает ее смысловой абрис, создавая культурный каркас представлений о превосходно альтернативном *не вполне человеке* с амбивалентной социокультурной оценкой.

Архаический миф оказывается источником религиозного мифа, эпического мифа и сказки, с соответствующей коррекцией модуса восприятия и культурной трансляции образа героя-первопредка, что обусловило умножение локальных концептов идеи сверхчеловека.

Следующим этапом в развитии образа первопредка, а вместе с ним и культурной экспликации идеи сверхчеловека стал концепт «эпический герой», сформированный уже более поздней мифологической традицией. Эпического героя можно определить как исключительно физически сильного или много/хитрого воина, имеющего частично потустороннюю (чудесную) природу по-

рождения, обладающего особо заостренным нравственно волевым началом, когерентным интересами и ожиданиями локальной социокультурной среде, и тягой к славе. Его идентификация осуществляется через акты героической деятельности, которые складываются из преодоления сверхсложных, в масштабе *обычных* человеческих возможностей, препятствий, например, борьбе со сверхсильными врагами, а также решений значимых социокультурных, а в более поздних нарративах и государственных задач.

Эпический герой, с одной стороны, обладает превосходящими удел человеческой нормальности физическими и волевыми характеристиками, а также повышенной социальной ответственностью, выражающейся в ратных защитно-охранных общественно значимых практиках – подвигах. С другой стороны, его качества в сравнении с первопредком значительно *очеловечиваются* и определяют его как превосходно иномерного, но *вполне человека*. Одновременно другая ветвь культурной эволюции образа первопредка привела к его обожествлению и, соответственно, выходу из границ человеческой размерности, утрате идентичности с «миром людей», но сохранением некоторой связи/сходства божественного и человеческого по сущности.

В рамках религиозной метрики человек понимается как существо, способное к сущностной трансформации, направленной к асимптотическому сближению с Абсолютом. Бог представлялся нормативным и телеологическим началом для человека, становясь его идеалом и целью. Человек ориентировался на божественное, пытаясь свой способ существования соотнести с Абсолютом и максимально приблизить к нему. В ходе этого предполагалось, что человек претерпит качественную субстанциональную трансформацию, утратив ряд условно негативных, «низменных» человеческих проявлений, обретя принципиально иной и одновременно превосходный модус бытийствования. Эта интенция может находить воплощение в самых разных локально сверхчеловеческих концептах: «богочеловек», «будда», «святой», «эзотерик» и др., – имеющих явные или имплицитные религиозные основания.

В культурном поле религиозного освоения идеи сверхчеловека особое внимание уделяется таким фундаментальным человеческим пределам, как телесность и смертность. Они оба зачастую понимаются как ограничители подлинной человеческой бытийности и поэтому частично или полностью преодолеваются. Одновременно этизация Абсолюта приводит к возможности двух путей преодоления налично человеческого – положительного и отрицательного. Последний формирует негативную модальность интерпретации сверхчеловеческого, понимая его как античеловеческое.

Религиозная экспликация сверхчеловека смещает акценты в область духа, понимая его как существо превосходной психоментальной и ценностной организации, снявшего ограничители физической предельности и обретшем некоторые трансцендентные свойства.

Во *втором параграфе «Перекодирование идеи сверхчеловека: расистская таксономия и социально-революционный порыв»* рассматривается ситуация историизации идеи сверхчеловека, ее обживание расистскими и социально-революционными культурными практиками.

Расистский дискурс экспликации сверхчеловека парадоксальным выступает синкретизмом биологизации, сциентизации, мифологизации, политизации и культурализации понимания сверхчеловеческого. Локальный концепт «расовый сверхчеловек» формируется из иерархической расовой таксономии, которая дробит целостность рода Homo, выделяя «лучшие» и «худшие» антропологические виды.

Расистское видение актуального человека и горизонта его будущего развития получило свое законченное оформление в нацистской идеологии гитлеровской Германии, где произошло совмещение концепта ницшевского *Übermensch* и расистского антропологического идеала в мифе о человеке «нордической культуры». *Übermensch*, подвергнувшись вульгарной биологизации и политизации, был инкорпорирован идеологами нацизма в расистскую таксономию, где он находился на вершине «пирамиды человеческих видов».

Идея сверхчеловека социокультурно актуализируется, связываясь с архетипами расистского мифа – кровью и почвой. При этом сверхчеловек оказывается частью континуума культурного времени, существуя в прошлом, настоящем и будущем, которое в ряде случаев оказывалось парадоксально имманентно настоящему. В прошлом сверхчеловек выступал в образе неких «первоариев» или «абсолютно чистой нордической расы». В настоящем бытование сверхчеловека было сопряжено с особым существованием, переходящим из «длящегося настоящего» в модус будущего. Здесь сверхчеловек становится точкой антропологической сингулярности пересечения настоящего и будущего. При этом переход от *человека* к *сверхчеловеку* не был рационально-логически артикулирован.

«Расовый сверхчеловек» – это, в первую очередь, расово окрашенный «культурный европейский герой», «лучший/превосходный человек» в системе европоцентристской расовой таксономии. Идея «расового сверхчеловека» стала формой объективации культурного элитизма, репрезентируемого через антропологическое и социокультурное измерение.

В XIX – начале XX в. формируется новая, социально-революционная модальность конкретно исторической экспликации идеи сверхчеловека, оформившаяся и выразившаяся в концепте «новый человек». Так, М.Ю. Лермонтов через концепт «новый человек» формулирует асоциальную «героическую онтологию» существования, пронизанную «фатальным нигилизмом» и своеволием. Ф.М. Достоевский создает аксиологические типы «новых людей» – человекобогов, которые своим экзистенциальным богоборческим нигилизмом буквально «взрывают» ценностное пространство традиционной культуры и трансцендентальные основания бытия человека. Они формируют совокупный образ «негативного сверхчеловека» как субъекта парадоксально посюстороннего самообождения. Далее с опорой на «ницшеанский опыт», продолжил «рассказы о новых людях» «буревестник революции» М. Горький, который культивирует героически-деятельную жизненную модель творческого порыва, нацеленную на перманентное волевое преодоление «приземленной повседневности».

Футуризм в начале XX в., апеллирующий к философии Ницше и олицетворяющий тотально обновленческий порыв «духа времени», наиболее заостренно и явно отразил в себе весь пафос жажды и устремленности к созиданию «нового человека», а вместе с ним и тотальной переоценке всех культурных ценностей. «Футуристический человек» – это преодолевший свою как физическую (на уровне телесной конституции), так и духовную (ценностную) «ограниченность», *техноумноженный человек*. Он выступает как новый «культурный герой», прогрессор, революционер тела и духа.

Итогом исторического освоения идеи сверхчеловека как революционно социокультурного концепта стала его имплементация в концепте «советский человек», ставшая фактом культурной реальности и вобравшая в себя многие радикально обновленческие интенции по духовно-физическому перекодированию человека и общества. Советский режим сформулировал и отчасти сформировал нового героического субъекта исторической действительности – «советского человека», определяемого как по-своему лучший/высший социально-антропологический тип человека и удел его универсальной идентичности. Для него характерны, во-первых, пассионарный оптимизм с выходом в пространство непосредственных культурных практик, позволяющий трансформировать окружающую реальность и создавать атмосферу «великих свершений»; во-вторых, дух перманентного социально контекстуального героизма как повседневной практики, нацеленность на подвиг, преодолевающий как собственную ограниченность (физическую/духовную), так и предельность внешнего мира; в-третьих, всеобъемлющий коллективизм, глубокая инкорпорированность в систему общества, частично абсорбирующая индивидуальность и порождающая синкретизм Я и МЫ.

Идея «советского человека» аккумулировала огромную созидательную энергетику, преобразовавшую социокультурное пространство, актуализировав интенцию к сверхчеловеческому. «Советский человек» явил всему миру пример альтернативной социоантропной модели, деятельно трансформирующей матрицу культуры и ее ценностные основания. Одновременно идея «советского че-

ловека» – это политико-идеологический миф, об общественном сверхчеловеке-революционере, положительном повседневном герое-прогрессоре, эволюционирующем от утопии к симулякру.

В *третьей главе «Идея сверхчеловека в актуальном культурном континууме»* осуществляется различение и контекстуальное определение модальностей объективации сверхчеловеческого в широком спектре современных культурных дискурсов и практик, а также прогнозирование путей и вариантов концептной конкретизации идеи сверхчеловека в перспективном пространстве технокультуры.

Первый параграф «Массовизация идеи сверхчеловека: концепт «супергерой» и художественно-научная футурология человека» посвящен рассмотрению концепт-выраженности идеи сверхчеловека и анализу ее смысловой транскрипции в популярных, массово тиражируемых нарративах актуального культурного дискурса.

В массовой культуре воссоздается героический жанр, основанный на архетипе эпического героя, переформатированного этикой, эстетикой и телеологией современного социокультурного дискурса. Формируется пантеон новых супергероев, обитающих в альтернативном мифохудожественном пространстве, имеющем явные параллели с современной культурной реальностью. Первоначально супергерой возникает в иллюстративно-текстуальном пространстве комикса, отражая значимые социальные, религиозные, идеологические и аксиологические ожидания американского общества. Однако через визуальные средства массовой коммуникации он становится частью современной мифологии массовой культуры и концентрирует совокупность представлений о положительно превосходном, иномерном (не вполне) человеке.

Супергерой обладает своей особой антропологической и аксиологической матрицей. Иконография и качественная атрибутика супергероя делают акцент на формально-телесных сторонах превосходно человеческого. В этом смысле он является «одномерным сверхчеловеком», который ограничен исключительно калькулятивно умноженными антропофизическими характеристиками. Од-

современно супергерой всегда имеет *человеческую* сторону социокультурной репрезентации собственного Я, через которую проявляется его связь с обществом и «нормальными» людьми.

Супергероическая матрица формирует пространство счастья, оптимизма, интерпретируемого в категориях победы «добра» над «злом». При этом под «добром» понимается вся совокупность ценностей, присущих массовому обществу и культуре. Супергерой выступает в роли охранителя, защитника этих ценностей. Он обладает устойчивой, некритической морально-нравственной моделью, которую утверждает в социокультурном пространстве благодаря непоколебимой вере в свою правоту и сверхволевому началу, ставящему супергероя в ситуацию категорического нравственного долженствования.

Сверхчеловек-супергерой, выступая стражем конформистского мира, проявляет свои сверхчеловеческие способности только в минуты крайней всеобщей опасности, а все остальное время он растворен в повседневности, он один из многих, неотличимый в общей массе. Супергерой является тем же массовым человеком, только обладающим сверхспособностями, которые позволяют ему поддерживать и защищать эту культуру. Аксиологически супергерой оказывается тождественен «обычному» человеку, отличаясь от последнего только внешними физическими способностями и степенью волевого усилия, позволяющему деятельно отстаивать традиционные ценности.

Любой заряд ценностной и социокультурной революционности воспринимается супергероем как культурная и общечеловеческая угроза, поэтому этими чертами в ряде случаев обладает антагонист супергероя – суперзлодей. Последний выступает отрицательным вариантом экспликации идеи сверхчеловека. В целом, массовая культура, осваивая сверхчеловека, превращает «popular superman» в своего физического помощника и защитника от «ценностных аномалий».

Одновременно в пространстве массовой культуры особую популярность получает интегральный художественно-футурологический дискурс научной фантастики, где под влиянием нарратива «фантастического допущения» кон-

струируются концепты возможного/будущего человека, реализующего различные сверхчеловеческие характеристики.

В научно-фантастической модели торжества технокомпьютеризированной цивилизации происходит рационально-сциентическое освоение идеи сверхчеловека и ее выраженность в концептах «киберчеловек» и «андроид». Одновременно существует целый сегмент научно-фантастического дискурса, где технологический вектор не является определяющим в антропологической трансформации. В этом случае формируется аналог психоментального типа сверхчеловека, достигающего состояния «сверх» на уровне сознания, открывая *запредельные* формы восприятия реальности и способы взаимодействия с ней. Зачастую эти типажи имеют «налет» эзотеричности и «тайны», воспринимаясь как «новые мессии».

Во *втором параграфе «Сверхчеловек в культурном дискурсе постмодерна и трансгуманизма»* определяется специфика троп определения и культурной конкретизации идеи сверхчеловека в ситуации постмодерна и футурологии трансгуманизма.

Постмодернистская установка на «смерть метанарратива», деконструкцию вертикальной иерархии и легитимацию симулякров обуславливают нетрадиционное звучание идеи сверхчеловека, становящейся выразителем принципа «difference» и выступающей «нарративной сверх-складкой». Так, Ж. Делез определяет сверхчеловека как радикальную отличность, *инаковость трансгрессивного характера*, распространяющуюся на все виды культурного текста. Условное превосходство сверхчеловека над человеком понимается Делезом через категории «свободы» и «несвободы». Ситуация «освобождения» деконструирует человеческую определенность и формирует сверхчеловека, становящегося свободным через способность через «воление за предел».

Для М. Фуко идея сверхчеловека является частью «археологии знания» и обретает смысл в рамках культурной ситуации «смерти субъекта». Сверхчеловек асимптотически сближается с Другим, становясь формой реконструкции пост-Субъекта и одновременно актором Новой Метафизики, преодолевая одно-

временно Бога и ничто (А.Г. Дугин). Сверхчеловек, по мысли Ж. Деррида, возникает в субъектно событийной ситуации «Les fins de l'homme», понимаемой как «завершение человека», так и одновременно его «целевой финал», который может интерпретироваться в значении совершенного предела антропологического развития.

На уровне культурных практик постмодернизм стал определенной аксиологической надстройкой над массовой культурой, которая тяготеет к симбиотическому сближению/единству с ним. Соответственно культурные практики постмодерна для имплементации идеи сверхчеловека также нередко используют концепт «супергерой», перекодируя его смысловое наполнение.

Постмодернистский супергерой в одних случаях подвергается иронически-игровой деконструкции и лишается сверхчеловеческих качеств, превращаясь в симулякр супергероя, который на деле является *не более чем человеком*. В другом варианте происходит самоотчуждение супергероя от удела человеческой определенности, обладая сверхчеловеческими качествами, он намеренно дистанцируется от всего «слишком человеческого» – ценностей, социально значимых поведенческих практик. Он перестает быть защитником и хранителем традиций. В нем нарастает интенция к уходу за рамки человеческой размерности практик. Одновременно стирается граница ценностного различения «герой-злодей», постмодернистский герой парадоксально абсорбирует в себе обе определенности, одновременно выступая как нечто третье, находящееся по ту сторону маскультного «героя» и «злодея».

Трансгуманистические теории и концепт-практики с конца XX в. вводят идею сциентического сверхчеловека в широкий спектр социогуманитарных и естественнонаучных исследований. В современной культурной ситуации постепенно исчезает «классический» человек, а сверхчеловек перестает быть антропным футуристическим идеалом, существующим только на уровне идеи и антропологической утопии. Возникает реальная перспектива появления новой сингулярной единицы рода Homo, получившей условное наименование «постчеловек». Он выступает открытым антропологическим концептом, объединяю-

щим в себе всю совокупность современных, научно ориентированных ожиданий *человека будущего*, уже не определяемого как *вполне человек*. При этом постчеловек – это не только сциентическая мечта, но и перспективная практикоориентированная антропологическая цель.

С учетом трансгуманистических наработок, современной динамики научно-технического прогресса, его влияния на человека и вектора общекультурного технопереформатирования, можно выделить три основных модельных варианта постчеловека: *генетически модифицированный человек*, *нанокиборгизированный человек* и *виртуально-цифровой человек (Homo Virtualis)*. Каждый из них предполагает преодоление материально-физического и психоментального уделов человеческой определенности, появление иномерных антропологических характеристик и маркеров.

Одновременно в большинстве проектов постчеловеческого моделирования «новый человек», стремясь к калькулятивной сверхчеловечности на уровне физической и отчасти ментальной атрибуции, абсолютно не претендует на роль ценностного субъекта. Аксиологическое измерение, как правило, вынесено за рамки актуального говорения о будущем человеке и социокультурном пространстве. Постчеловек как актуальный вариант интерпретации сверхчеловека не видится субъектом ценностного переформатирования и творцом новых смыслов; в нем фактически воспроизводится и концепт-антропологически объективируется современная культурная ситуация «забвения смыслов» и симуляции ценностей.

В *четвертой главе «Интегральная философско-культурологическая экспликация сверхчеловека»* исследуются логические тропы теоретического определения сверхчеловека, в ходе чего определяются границы локальных уделов человеческого, возможные области антропологической трансгрессии и, наконец, маркеры грамматики корректного и релевантного философского мышления о сверхчеловеческом.

Первый параграф «Локальные константы и границы человеческой мерности: антропологические пролегомены к определению сверхчеловека»

посвящен исследованию когерентности человеческого и сверхчеловеческого, проблем антропологической идентичности и поиску уделов определенности человеческого, выступающих необходимым условием для философско-теоретической экспликации сверхчеловека.

В современной словарно-энциклопедической традиции можно выделить две основные линии определения сверхчеловека. В первом случае он понимается как человек, достигший предела, вершины качественного совершенства, т.е. «лучший человек». В другом варианте определения сверхчеловек выделяется из рамок *человеческой мерности*, воспринимаясь как существо принципиально нового порядка, которое в духовном и/или физическом отношениях превзошло/преодолело возможности человеческой природы. Эта же поливариативность и номадичность понимания сверхчеловека присутствует на лингвосемантическом уровне, задаваясь спектром смыслоуказателей префикса «сверх».

Соответственно, любое определение сверхчеловека основывается на понимании собственно человеческого, его границ и нормативных антропологических маркеров. Однако современное же «богатство фактов» о человеке не приводит к ясности и устойчивости, к его целостному, философскому различению.

Принимая положение о человеке как субстанционально непредзаданном, процессуальном и *рождающемся* (не только на индивидуальном, но и родовом уровне) существе, приходим к выводу, что адекватное определение человека возможно через очерчивание границы «человеческой оконечности». Совокупный исторический опыт – как рефлексивной антропологической аналитики, так и стихийно-обыденных интуиций – позволяет выделить несколько *локальных констант идентичности человеческого*, предикативно обозначающих и фундирующих границу различения интегральной модели человеческой определенности. Наиболее значимые из них заключены в материальной концептосфере «тело», выраженной через внутреннюю (физиологическую) и внешнюю (морфологическую) телесность, и нематериальных деятельных способностях/частях объектно неоперационализируемой концептосферы «душа».

Выделяются два модуса антропологического различия – материальный и духовный, которые базируются на удостоверении некоторой мерной данности обозначенных локальных констант человеческой определенности.

Внутренняя телесность – это биофизическая конституция человека, качественно-количественный набор физиологических возможностей и ограничителей. *Морфологическая телесность*, выступающая первичным признаком обыденного различия и внешнего маркирования *человеческого*, формируется как отдельными частями тела, выступающими частично-локальными репрезентаторами «человека телесного», так и телом в своей формальной целостности.

Также важной частью материалистической модальности различия человека выступают маркеры *начальной* и *конечной* телесной предельности. В *начальной предельности тела* фиксируется сам факт феноменальной человеческой порожденности, а также ее причинность. Порожденность оказывается природосообразным предикатом человеческого, а субъектно выраженная причинность становится фактором антропологической идентичности. Она может определяться либо по принципу родовидового тождества – *человека порождает человек*, либо по принципу асимптотической близости порожденного и порождающего, когда человеческий первопредок выводится за рамки собственно человеческой размерности. В последнем случае уже на уровне изначальной предельности тела человек не тождественен собственной материальной причине, а также происходит расширение и размывание маркеров антропологической причинности.

Конечный предел телесности – это момент прекращения активной формы существования человека в его естественно-природной определенности или, другими словами, ситуация биофизиологической смерти. Однако *смертность*, будучи феноменом материального порядка, статус маркера человеческой идентичности получает через стихию духа, т.к. только осознанность, экзистенциальное и ментальное обживание смертности, делает ее качеством человеческой определенности.

Отдельные формы духовной явленности обладают некоторой внутренней размерностью, в которой выделяется условный диапазон меры человеческого. Между тем *мера человеческого* локальных констант идеального порядка не может быть исчерпывающе определена в рамках экспликации калькулятивного порядка, т.к. зачастую различается через принцип *контекстуальной адекватности* локальному социокультурному нормативу, в котором происходит бытование или определение соответствующих свойств *души*. Соответственно, быть человеком – это быть адекватным принятой модели психоментальной, аксиологической и социальной нормальности.

Одновременно человек в своей целостности, вбирающей как понятие идеи человека, так и фактичность его феноменальной данности раскрывается через антропологические «уделы» *нормальности, идеальности, трансгрессивности*. Каждый из них является концептуализированно предикативной модальностью человеческого, выражающим степени и формы целостной актуально-потенциальной явленности человека, носящей как объективно-естественный, так и оценочно-нормативный характер. Они позволяют сформировать три локальных антропологических концепта: «человек нормальный», «человек совершенный» и «человек трансгрессивный». При этом идея сверхчеловека имеет прямое соотношение с последними двумя концептами, конкретизируясь в них.

Второй параграф «Определение и культурфилософская концептуализация сверхчеловека» посвящен выявлению мерно-атрибутивных маркеров теоретического различения сверхчеловека как философско-культурологического концепта.

Стремление, интенция человека выйти за границы собственной наличной определенности делает идею сверхчеловека имманентной человеческой природе, вводя ее в широкий удел антропологической идентичности как горизонт *положительно превосходной* перспективы человеческого. Однако понимание *положительного* и калькуляция *превосходства* применительно к антропологическому уделу возможны исключительно контекстуально, в рамках конкретной социокультурной, исторической и субъективной ограниченности. Соответ-

ственно любой вариант определения антропного уровня «сверх» будет обладать объективно ограниченной актуальностью, не претендующей на универсальность семантического считывания. Между тем обозначенные локальные константы человеческой природы и размерность антропологического «удела», позволяют выделить базовые тропы определения сверхчеловека, возможные и наиболее вероятные способы его модельного конструирования, выступающие одновременно маркерами его распознавания.

Первый уровень модельной сверхчеловеческой атрибутики формируется в спектре материально-физического измерения определения природы человека и направлен на мерную трансформацию конституции его телесности. Общий вектор превосходных изменений этого уровня направлен на устранение основных естественно-природных *ограничителей*, присущих размерности телесной организации.

Наиболее существенным естественно-биологическим ограничителем человека является *смертность*, задающая перспективу неизбежной конечности бытийствования человека в его изначальной материально-биологической конституции. Положительным и качественным антиподом смертности оказывается состояние бессмертия как биологически превосходно-трансгрессивная форма бытийствования в измерении «сверх», выступающая одним из центральных и устойчивых физических атрибутов образа сверхчеловека.

Другие возможные *сверхчеловеческие* характеристики телесности являются по преимуществу калькулятивно приумноженной надстройкой имеющихся исходных («нормальных») антропофизиологических характеристик человека. Их конкретно количественная мерность носит субъективно оценочный характер, обладая локальной адекватностью уделу сверхчеловеческого. Одновременно сама телесность может быть понята как тотальный ограничитель человеческих возможностей, и поэтому в этом случае маркером сверхчеловеческого становится радикальная трансгрессия телесности, преодоление модуса материальной данности человека.

На психоментальном уровне под измерением «сверх» понимается новый/высший уровень *запредельной* активности сознания/разума, принципиально превосходящий порог консенсусно общепринятой «человеческой нормы». Этот же принцип применим и к моделированию измерения «сверх» применительно к ценностной и социокультурной формам идентичности человеческого. В ценностно-символическом модусе состояние «сверх» релевантно номадическим вариантам «аксиологической трансгрессии», когда человек формирует новую ценностную матрицу, обладающую высокой степенью инаковости в сравнении с общепринятой и предельно допустимой в локальном социокультурном дискурсе. Это позволяет маркировать сверхчеловека как «творческого пассионария», создателя новых поведенческих матриц и структур культуры и/или бытия.

Подвижность и поливариативность сверхчеловеческой атрибутики, а также глубокая укорененность идеи сверхчеловека в социокультурном контексте позволяют говорить о сверхчеловеке как о сложном антропосоциокультурном концепте.

Локальные сверхчеловеческие концепты можно разделить на две группы: 1) культурно-хронотопные концепты, каждый из которых сформировался на определенном этапе эволюции культуры; 2) нелинейно-ассоциативные концепты, не имеющие фиксированной привязки к конкретному культурному нарративу, а являются универсальными культурно-антропологическими образованиями.

В **заключении** подводятся обобщенные итоги работы, формулируются выводы и намечаются перспективы дальнейшего развития основных идей исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии

1. Человеческое существование в условиях социальной модернизации: коллективная монография / Под ред. Н.В. Омельченко. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. – 447 с. (28/1,5 п.л.) (в соавт.).
2. История сверхчеловека: философско-культурологическая экспликация концепта. – Липецк: ЛГПУ, 2016. – 193 с. (12 п.л.).

**Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки Российской Федерации**

3. Философские воззрения Ф. Ницше в общекультурологических и эстетических теориях постмодернизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – №28 (63). Ч. 1. (Общественные и гуманитарные науки): Научный журнал. – СПб., 2008. – С. 37-42. (0,6 п.л.).
4. Футуризм и его связь с философско-эстетическими идеями Ф. Ницше // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2008. – Выпуск. 9. (65). – С. 35-39. (0,5 п.л.).
5. «Античный вопрос» в философской культурологии Ф. Ницше // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Социально-экономические науки и искусство. – №3. – Волгоград, 2008. – С. 13-17. (0,6 п.л.).
6. Религиозно-сциентистский проект сверхчеловека в «философии общего дела» Н.Ф. Федорова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 8. – Часть 2. – С. 31-33. (0,45 п.л.)
7. Постчеловек как тип сверхчеловека техногенной культуры XXI века [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2011/8/fil%D0%BEs%D0%BEfy%D0%B0/belyaev.pdf (0,4 п.л.).
8. Инварианты бессмертия и феномен сверхчеловека в контексте эволюции культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 8. – Часть 4. – С.27-29. (0,45 п.л.).
9. Древнегреческий герой как инвариант сверхчеловека в контексте генезиса античной культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 8. – Часть 3. – С. 29-31. (0,5 п.л.).
10. Инварианты пост(сверх)человека в техногенной культуре XXI века [Электронный ресурс] // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1. URL: <http://hses-online.ru/2012/01/konf/34.pdf> (0,25 п.л.).
11. Определение и смысл концепта в современной культурфилософии [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 1. URL: <http://www.science-education.ru/101-5465>. (0,5 п.л.).
12. К вопросу о понимании идеи сверхчеловека в философии Ф. Ницше [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/4/fil%D0%BEs%D0%BEfy%D0%B0/belyaev.pdf (0,4 п.л.).
13. ИмPLICITное формирование идеи и образа сверхчеловека в ранней философии Ф. Ницше [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 2; URL: <http://www.science-education.ru/102-6080>. (0,65 п.л.).
14. Бытование идеи сверхчеловека в нацистской культуре и идеологии: от расистского *Untermensch*'а к *Übermensch*'у // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – Рига-М., 2012. – № 4 (20). – С. 15-22. (0,9 п.л.).
15. Осмысление феномена гениальности как инварианта сверхчеловеческого сознания [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3; URL: <http://www.science-education.ru/103-6323>. (0,5 п.л.).
16. Мультикультурализм как стратегия создания дискретного «сверхобщества» в контексте постмодернистской культуры: теория и практика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 8 (22). – Ч. 1. – С. 46-50. (0,8 п.л.).

17. Виртуальное net-бытие пост(сверх)человека // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – Волгоград, 2012. – № 3 (18). – С. 68-73. (0,6 п.л.).

18. Специфика лингвосемантического бытования термина/понятия «сверхчеловек» в немецкой, русской и английской языковых традициях // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 4. – Ч. 2. – С. 511-514. (0,6 п.л.).

19. Генезис осмысления и художественной экспликации идеи сверхчеловека Д.С. Мережковским // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 3. (29) – Ч. 1. – С. 25-28. (0,6 п.л.).

20. Былинно-героический концепт «богатырь» как локальный вариант экспликации концепта «сверхчеловек» в отечественной культуре [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. URL: <http://www.science-education.ru/108-8603> (0,6 п.л.).

21. Репрезентация идеи сверхчеловека в эзотерическом дискурсе // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 4. – Ч. 5. – С. 1270-1274. (0,6 п.л.).

22. Номадически-трансгрессивная интерпретация концепта «сверхчеловек» в дискурсе постмодернистской философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 11. (37) – Ч. 2. – С. 30-32. (0,5 п.л.).

23. «Сверхчеловеческие» типы в отечественной литературе XIX – начала XX века (на примере творчества И.С. Тургенева, Н.Г. Чернышевского и А.И. Куприна) // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10. – Ч. 7. – С. 1626-1629. (0,55 п.л.).

24. Концепт «супергерой» как локальный вариант модели сверхчеловека в актуальном пространстве массовой культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – Волгоград, 2013. – № 2(20). – С. 35-42. (0,9 п.л.).

25. Философское определение сверхчеловека // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – Саратов, 2014. – № 3. – С. 9-14. (0,65 п.л.).

26. Л.Н. Толстой в контексте русской ницшеаны: критика «философии озверения» и «сверхчеловеческого эстетизма» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 11. (61) – Ч. 2. – С. 46-49. (0,5/0,25 п.л.) (в соавторстве).

27. Религиозно-дуалистическая интерпретация идеи сверхчеловека в философии В.С. Соловьева: между богочеловеком и антихристом // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – Белгород, 2015. – № 20(217). Вып. 34. – С. 5-10. (0,75 п.л.).

28. Философские мотивы в творчестве М.Ю. Лермонтова: пролегомены к ницшеанству и идее сверхчеловека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 11(73): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 27-29. (0,6/0,3 п.л.) (в соавторстве).

29. Культурная археология идеи сверхчеловека в образе человеческого первопредка // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – Саратов, 2016. – № 4. – С. 368-373. (0,65 п.л.).

30. Автотрофность как космистская стратегия имплементации идеи сверхчеловека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2017. – № 4(78). – С. 30-32 (0,5/0,3 п.л.) (в соавторстве).

Статьи в других научных изданиях

31. Концепт сверхчеловека и идея бессмертия в философском творчестве Н.Ф. Федорова // Материалы Всероссийской научной школы для молодых ученых: «Русская

- философия: истоки и современность». Сборник статей. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2009. – С. 24-25. (0,2 п.л.).
32. Сверхчеловеческая философия культуры Ф. Ницше // Общество знаний в XXI веке: Сборник статей молодых ученых / Под ред. Д.А. Аникина. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2010. – С. 143-149. (0,45 п.л.).
33. Современный человек в пространстве IT-культуры начала XXI века // Медиафилософия VI. Необратимость трансформации / Под редакцией В.В. Савчука и А.И. Иваненко. – СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2010. – С. 26-29. (0,25 п.л.).
34. Идея сверхчеловека в концепции языческо-элитаристского гуманизма Л. Повеля // Труды кафедры философии и социально-политических теорий. – Липецк: ЛГПУ, 2010. – Вып. 16. – С. 44-48. (0,3 п.л.).
35. Творчество Ф. Ницше в пространстве отечественной философской и литературной мысли конца XIX – начала XX веков // Духовные истоки русской философии. Сборник материалов Кирилло-мефодиевской научной школы «Духовные истоки русской философии» (Саратов, 17-23 мая 2010 г.). Под ред. проф. В.А. Фриауфа. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2011. – С. 11-16. (0,4 п.л.).
36. Типология концептов Сверхчеловека в евро-атлантической культуре XX в. как иллюстрация дихотомии целостности и дробности аксиологии западной цивилизации // Целостность в мире философии и социально-гуманитарного знания: сборник статей и тезисов докладов I Всероссийской научной конференции с международным участием. 19 ноября 2010. – Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2011. Ч.1. – С. 85-91. (0,4 п.л.).
37. Сверхчеловеческое как творческая неорелигиозность в философских воззрениях русских символистов начала XX века // Духовные истоки русской философии. Сборник материалов. – Саратов: Наука, 2011. – С. 22-27. (0,4 п.л.).
38. Специфика имплицитного бытования идеи сверхчеловека в отечественной культуре XIX века [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. – 2011. – № 3 (21). URL: <http://analiculturolog.ru/journal/new-number/item/744-43.html> (0,6 п.л.).
39. Одиозно-натуралистические рецепции ницшеанской философии и идеи сверхчеловека в пространстве массового киноискусства [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. – 2011. – № 3 (21). URL: <http://analiculturolog.ru/journal/new-number/item/743-44.html> (0,6 п.л.).
40. К вопросу о понимании трансперсонального опыта как новой целостности сверхчеловеческого сознания // Целостность в мире философии и социально-гуманитарного знания: сборник статей и тезисов докладов II Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной Международному дню философии 18 ноября 2011. – Липецк-Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2012. – С. 129-132. (0,25 п.л.).
41. К вопросу о генеалогии массовой культуры и атрибутивных характеристиках «массового человека» // Философия в контексте культуры: Сборник трудов Третьей Международной заочной научно-практической конференции. Январь 2012 г. – Брянск: Курсив, 2012. – С. 128-130. (0,2 п.л.).
42. О смысле и значении концепта «сверхчеловек» в пространстве культуры [Электронный ресурс] // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2012». URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/1915/42897_f5aa.pdf (0,25 п.л.).
43. Интерпретация сверхгероической тематики в комиксе «Хранители» как пример постмодернистского переосмысления идеи сверхчеловека [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. – 2012. – № 1 (22). URL: <http://analiculturolog.ru/journal/new-number/item/791-1.html> (0,5 п.л.).
44. Расовая антропология XVIII – начала XX вв. в поисках «лучшего человека»: эволюция от «белого человека» к «германскому арийцу» // Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии: материалы Международной научно-образовательной конференции / под ред. Э.А. Тайсиной. – Казань: Казан. ун-т., 2012. – С. 98-103. (0,5 п.л.).

45. Лингвосемантика ницшеанского «Übermensch» и его инвариативность в англоязычном культурном дискурсе // Иностранные языки. Герценовские чтения: Материалы всероссийской межвузовской научной конференции, 23-24 апреля 2012 г. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. – С. 172-174. (0,25 п.л.).
46. Дискурсы репрезентации концепта «сверхчеловек» // Труды кафедры философии и социально-политических теорий. – Липецк: ЛГПУ, 2012. – Вып. 17. – С. 3-6. (0,35 п.л.).
47. Художественный текст «Матрицы» как репрезентация симулякра идеи сверхчеловека в дискурсе постмодернистских симуляций [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. – 2012. – № 2 (23). URL: <http://analiculturolog.ru/journal/new-number/item/834> (0,45 п.л.).
48. Вариативность культурного бытования концепта «сверхчеловек» // Актуальные вопросы гуманитарных исследований: сборник материалов областной научной конференции. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. – С. 11-14. (0,3 п.л.).
49. Универсальность и национальная самобытность идеи сверхчеловека в творчестве Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. – 2012. – № 3 (24). – URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/869-2-2.html> (0,65 п.л.).
50. К вопросу об актуальности и путях неогуманистического переосмысления идеи сверхчеловека // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 23-24 ноября 2012 г. – Липецк: ЛГПУ, 2012. – С. 27-29. (0,3 п.л.).
51. Целостность социального и онтологического измерений идеи сверхчеловечески-демонического в творчестве М.Ю. Лермонтова // Целостность в мире философии и социально-гуманитарного знания: сборник статей и тезисов докладов III Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной Международному дню философии 18 ноября 2012. – Липецк-Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2013. – С. 168-170. (0,25 п.л.).
52. Экзистенциально-психологическая рефлексия об идее сверхчеловека в творчестве Л.Н. Андреева [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. – 2013. – № 1 (25). URL: <http://analiculturolog.ru/journal/new-number/item/902> (0,55 п.л.).
53. Лингвосемантическая деконструкция понятия/идеи «сверхчеловек» в постмодернистском культурном дискурсе // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы всероссийской межвузовской научной конференции, 16-17 мая 2013 г. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. – С. 169-171. (0,25 п.л.).
54. В. Иванов о неорелигиозном прочтении ницшеанской идеи сверхчеловека // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 26-27 апреля 2013 г. – Липецк: ЛГПУ, 2013. – С. 52-54. (0,3 п.л.).
55. Идея сверхчеловека в пространстве отечественной культуры: дискурсы социокультурной объективации [Электронный ресурс] // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2013». URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2334/42897_28d8.pdf. (0,25 п.л.).
56. Интерпретация идеи сверхчеловека в философии Н.А. Бердяева: от ницшеанского сверхчеловека к соборному человеку-творцу [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. – 2013. – № 2 (26). URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/1571> (0,35 п.л.).
57. Неогуманистическая адаптация идеи сверхчеловека // Гуманизм и современность: материалы Международной научно-образовательной конференции (8-9 ноября 2013) / под ред. Т.М. Шатуновой. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – С. 445-452. (0,5 п.л.)
58. Трансгуманистическая концепция антропологической трансформации: от человека к пост(сверх)человеку // Философия и наука поверх барьеров: социально-антропологический кризис современной культуры: материалы VIII Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов, г. Белгород 16 апр. 2013 г. / Под ред. В.П. Римского и др. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2013. – С. 12-15. (0,25 п.л.).

59. Деконструкция концепта «супергерой» в дискурсе популярной культуры постмодерна // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. 22-23 ноября 2013 г. – Липецк: ЛГПУ, 2013. – С. 29-36. (0,75 п.л.).

60. Интерпретация ницшевой идеи сверхчеловека в пространстве русской религиозной философии конца XIX – начала XX века // Антирационалистический поворот в современной философии: к 170-летию со дня рождения Фридриха Ницше: сборник научных трудов. – Ульяновск: УлГТУ, 2014. – С. 37-45. (0,6 п.л.).

61. Идея сверхчеловека в системе человеческой целостности // Целостность в мире философии и социально-гуманитарного знания: сборник статей и тезисов докладов IV Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной Международному дню философии 18 ноября 2013 г. – Липецк: Издательство Першина Р.В. – 2014. – С. 48-51. (0,35 п.л.).

62. Перспективные антропологические модели постчеловека: трансформация человеческой природы и сверхчеловеческая атрибутика // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / Под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. – М.: Канон+, 2014. – С. 43-52. (0,7 п.л.).

63. Homo Virtualis как постчеловеческая перспектива // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации. Сборник трудов VIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Часть II. Секции 6-8. г. Москва, МГТУ МИРЭА, 20-22 ноября 2014 г. Под ред. Е.А. Никитиной. – М.: Радио и Связь, 2014. – С. 106-111. (0,6 п.л.).

64. Объективация идеи сверхчеловека в контексте современного художественного научно-фантастического нарратива // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. 14-15 ноября 2014 г. – Липецк: ЛГПУ, 2014. – С. 30-35. (0,6 п.л.).

65. Необходимость «антропоцентричности» в определении сверхчеловека [Электронный ресурс] // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2015». URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7020/uid42897_report.pdf / (0,25 п.л.).

66. Идея сверхчеловека в гуманизме обретения смысла А. де Сент-Экзюпери // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 13-14 ноября 2015 г. – Липецк: ЛГПУ, 2015. – С. 62-69. (0,9 п.л.).

67. Философско-поэтическая экспликация *Übermensch* Ф. Ницше: к вопросу о реконструкции понимания [Электронный ресурс] // Философская антропология. – М.: ИФ РАН, 2015. – Т. 1. – № 2. – 69-84. – URL: [http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/phan/2015_1\(2\)/Belyaev.pdf](http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/phan/2015_1(2)/Belyaev.pdf) (1,5 п.л.).

68. Идея сверхчеловека в пространстве социокультурной памяти // Традиции и инновации в пространстве современной культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Липецк: ЛГПУ, 2016. – С. 6-9. (0,45 п.л.).

69. Постчеловек в научной фантастике: опыт прогнозирования трансформации человека // Концепции постчеловека в философии и технотехнике: материалы V Международной научной школы для молодежи (Белгород 19-23 мая 2016 года). – Белгород: БелГУ, 2016. – С. 230-235. (0,6 п.л.).

70. Феномен сверхчеловека в интегральной йоге Шри Ауробиндо // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 4-5 ноября 2016 г. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. – С. 45-47. (0,3 п.л.).

71. Общая аналитика модальностей проявленности идеи сверхчеловека в культуре // Новая наука: Проблемы и перспективы: в 4 ч. Ч.4 - Стерлитамак: АМИ, 2016. – С. 169-172. (0,35/0,2 п.л.) (в соавт.).

72. Сверхчеловек: аналитика проблем определения // Новая наука: Проблемы и перспективы: в 3 ч. Ч.3 - Стерлитамак: АМИ, 2016. – С. 181- 183. (0,3/0,15 п.л.) (в соавторстве).

73. К вопросу о сверхчеловеческих перспективах человеческого будущего // Журнал научных и прикладных исследований. – 2016 – № 11. – Ч. 2. – С. 29-31. (0,35/0,2 п.л.) (в соавт.).

74. Человек VS. человечество в контексте научно-технического прогресса: взгляд антиутопистов // Журнал научных и прикладных исследований. – 2016 – № 11. – Ч. 2. – С. 32-34. (0,4/0,2 п.л.) (в соавт.).

75. Отечественная рецепция идеи сверхчеловека: первый опыт осмысления // Научные исследования и разработки в эпоху глобализации: сборник статей Международной научно - практической конференции (25 ноября 2016 г., г. Пермь). В 7 ч. Ч.5. – Пермь: АЭТЕРНА, 2016. – С. 25-27. (0,3/0,15 п.л.) (в соавт.).

76. Образ сверхчеловека в японской культуре: от мифологии до аниме // Научные исследования и разработки в эпоху глобализации: сборник статей Международной научно - практической конференции (25 ноября 2016 г., г. Пермь). В 7 ч. Ч.5. – Пермь: АЭТЕРНА, 2016. – С. 27-29. (0,3/0,15 п.л.) (в соавт.).

77. Философско-антропологический взгляд в будущее человека // Проблемы и перспективы развития науки в России и мире: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 декабря 2016 г., г. Уфа). В 7 ч. Ч.7. – Пермь: АЭТЕРНА, 2016. – С. 79-81. (0,3/0,15 п.л.) (в соавт.).

78. Аналитика смысловой модальности говорения о сверхчеловеке в философии Ф. Ницше // Новая наука: Современное состояние и пути развития: в 3 ч. Ч.3. – Стерлитамак: АМИ, 2016. – С 174-177. (0,35/0,2 п.л.) (в соавт.).

79. Трансгуманизм: современные перспективы сверхчеловеческого // Новая наука: Теоретический и практический взгляд: в 3 ч. Ч.2. – Стерлитамак: АМИ, 2016. – С. 209-212. (0,35/0,2 п.л.) (в соавт.).

80. Д.С. Мережковский о метафизике сверхчеловека и «поэтике сверхчеловечества» // Роль инноваций в трансформации современной России: сборник статей Международной научно-практической конференции (5 декабря 2016 г., г. Волгоград). В 4 ч. Ч.4. – Пермь: АЭТЕРНА, 2016. – С. 83-86. (0,35/0,2 п.л.) (в соавт.).

81. Философия Ф. Ницше как духовно-интеллектуальная симптоматика кризиса европейской культуры // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – 2017. – №3-2. – С. 145-147. (0,3/0,15 п.л.) (в соавт.).

82. Научные пролегомены к трансформации человека // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – 2017. – №3-2. – С. 147-149. (0,3/0,15 п.л.) (в соавт.).

Публикации в иностранных изданиях

83. N.A. Berdyaev's understanding of the Übermensch concept: The Synergy of Creativity and Religion // Intellectual and Moral values of the Modern Society. – B&M Publishing, San Francisco, California, USA, 2013. – P. 145-146. – (0,35 п.л.).